

Н.Н. АБЛАЖЕЙ. СИБИРСКОЕ ОБЛАСТНИЧЕСТВО В ЭМИГРАЦИИ

Новосибирск: Изд-во Института археологии и этнографии СО РАН, 2003. 304 с.

Разобраться в политическом раскладе сил, противостоящих большевикам и их союзникам и конфликтующих между собою, иногда не проще, чем в знаменитой проблеме «эпигонов и диадохов», особенно если это касается гражданской войны в Сибири. Многое можно для себя прояснить благодаря книге Н.Н. Аблажей, основанной наверяющих друг друга материалах периодики, издававшейся в Сибири, Китае, Европе и США в 1920–30-х гг., и на документах из российских, сибирских и американских архивов.

Однако нельзя не высказать сомнения относительно теоретических предпосылок исследования, коренящихся в том, что автор является историком последнего периода областничества и не касается 1860–1910-х гг. Ряд тезисов предисловия, как бы не требующего ссылок на первоисточники, может быть опровергнут:

1. Заявление, что «изначально сибирское областничество носило характер местного партикуляризма, противопоставления по линии провинция – империя» (С. 4), противоречиво на уровне запятой, ибо главным идеологом партикуляризм отвергался с порога как очень недостаточный, дабы считаться областником (Потанин Г.Н. Воспоминания // Литературное наследство Сибири. Новосибирск, 1983. Т. 6. С. 158, 284), да и фраза «провинция – империя» вместо «провинция – метрополия», при всем демократизме областников, логически неверна – тут довольно взглянуть на карту. В данном случае Н.Н. Аблажей, как видно по ее тексту, повторяет выкладки ростовчанина С.Г. Сватикова (С. 167), находившегося под воздействием изучения донской казачьей общины, кастово партикуляристской, в которой Г.Н. Потанин не обнаружил и намека на подлинное областничество (Письмо Н.М. Ядринцеву от 6–10 августа 1875 // Томский обл. краеведческий музей. Оп. 14. № 7. Л. 30);

2. Как считает Н.Н. Аблажей, «первоначально» оно «причудливо уживалось с концепцией общинного социализма» (С. 5). О том, что воззрения областников «причудливо сочетали в себе элементы славянофильско-народнических <...> и либерально-западнических <...> подходов», писал, противореча собственным отсылкам к западнику П.Я. Чаадаеву и славянофилу Н.Я. Данилевскому, и официальный рецензент «Сибирского областничества в эмиграции» (Шиловский М.В. Сибирские корни евразийства // Евразия: культурное наследие древних цивилизаций. Новосибирск, 1999. Вып. 1. С. 102–111), но с концепцией общинного социализма (не путать с коммунистическим! жизненные принципы общины и коммуны различны) всецело соглашался и А.И. Герцен, немало почерпнувший у славянофилов, причем его взгляды удивляли только марксистов и вполне принимались Ж.П. Прудоном, на чьи классические разработки государственного устройства как межобластного союза опирались сибирские социалисты-почвенники, не отказавшиеся от своих убеждений и впоследствии;

3. По мнению Н.Н. Аблажей, «позже, на рубеже веков, сложилось представление о Сибири как о колонии, с

оценкой политики метрополии как экономической эксплуатации» (С. 5), однако в колонизации Сибири вряд ли кто-либо когда-либо сомневался, особенно после статьи Г.Г. Пейзына «Исторический очерк колонизации Сибири» (Современник. 1859. № 9), а явный факт экономической эксплуатации послужил одним из толчков к возникновению областничества и шесть лет спустя зафиксирован в материалах Г.Н. Потанина «Доходы и расходы Томской губернии в 1863 году» (Томские губ. ведомости. 1865. № 4, 7–8);

4. Вывод из ложных посылок, что «областничество не представляет собой единой доктрины», оно есть некая «сумма взглядов, основанных на разных представлениях о содержании процесса децентрализации», и «не сформулировало в полном объеме политические, экономические и социальные основы федеральной государственности» (С. 8, 186), исходит лишь из разногласия поздних лет, не учитывает хрестоматийные работы Г.Н. Потанина и его более молодых соратников, а также документы сибирских конференций и съездов 1917 г., где на претензии, высказанные в 2003 г., можно найти ответы. Впрочем, автор готов поспорить сам с собой (см. цитату на С. 169).

Между тем Н.Н. Аблажей не ставила себе задачу исходить из текстов 1917 г., которые кажутся нам идеологически опорными. Несколько положений, критика коих необходима, ничуть не умаляют безусловной фактологической ценности ее труда.

Очевидно, ей близки взгляды И.А. Якушева, который в гражданской войне видел «противостояние федерализма унитаризму», но это отнюдь не означает, что именно он в конце 1920-х гг. «заложил основы понимания сибирского областничества как регионального демократического течения общественно-политической мысли» (С. 162), – он лишь воспроизвел то, что создавалось естественным уже при зарождении явления и никогда не воспринималось как открытие.

Предысторию сибирской эмиграции Н.Н. Аблажей сжато и четко рассматривает при анализе ситуации на Дальнем Востоке в гражданскую войну. «Демократическая контрреволюция» областников (по названию книги И.М. Майского) служила стимулом к их деятельности и за границей.

Книга «Сибирское областничество в эмиграции» повествует о большем, чем значится на обложке: читатель найдет едва ли не весь спектр политических настроений, царивших в сибирских диаспорах. В борьбе за верность «сибирской идее» областники были отнюдь не единственными, а союзы между разными группировками строились на множестве социальных и экономических факторов, на отношении к России, Востоку и Западу, причем акценты менялись подчас под влиянием обстановки, – различить суть вещей в этой коловорты непросто, и Н.Н. Аблажей, зачастую выявляя факты закулисные, предоставляет большие возможности к пониманию тех или иных сторон жизни сибиряков за рубежом.

Неутешительной была она и в лагерях Гензана (аннексированная Японией территория Кореи) и Шанхая, и даже в полурусском Харбине, а провалившийся якутский поход А.Н. Пепеляева 1922–1923 гг. почти лишил надежды вернуться на родину и обрекал существовать в атмосфере бесправия, которая ясно воссоздается по тщательно собранным мемуарным свидетельствам и голым данным. Но если на Востоке не было «сколько-нибудь солидной базы для культурной и общественной работы» (А.Г. Грызлов, – С. 152) и условия диктовали японские чиновники, присвоившие колоссальное количество сибирского золота, то на Западе благодаря всемерной поддержке президента Чехословакии Т.Г. Масарика возникло землячество, издававшее авторитетный журнал «Вольная Сибирь». Н.Н. Аблажей утверждает, что «противостоять инокультурному влиянию и ассимиляции» удалось во многом благодаря наличию «развитого регионального самосознания» (С. 170).

Сепаратистская же тенденция не была в Сибири устойчивой даже во время гражданской войны: здесь стремились «через свободную Федеративную Сибирь к освобождению и восстановлению свободной независимой России» (А.В. Сазонов, – С. 27). Тем не менее сибирякам и в эмиграции приходилось оправдываться в том, чего красть не собирались, что дело областничества – борьба «за свой сибирский дом <...> за политически свободного гражданина» (И.А. Якушев, – С. 141–142). «Наш патриарх Сибири Г.Н. Потанин учил свободе самоуправления, но не разделения», – заявлял Г.Д. Гребенщиков (С. 181). «Областники считали, – пишет Н.Н. Аблажей, – что в ведении федерального центра будущей России должны остаться такие важнейшие сферы государственной власти, как обороноспособность страны, внешняя политика, финансовая система, взаимоотношения между отдельными автономиями <...> в компетенции местного

парламента должны были остаться бюджет, образование, здравоохранение, связь, транспорт, право устанавливать местные тарифы и пошлины» (С. 169) – весьма продуманная и проверенная жизнью работоспособная система. К сожалению, сибирским «нашизмом» (!) россияне продолжают пугать до сих пор, подчас намеренно.

1920-е гг. оказались для областников временем подведения итогов, это сознавали и они сами, однако печальный результат смотрелся как основа завидного будущего. Оглядываясь на прошлое, они признавали свои тактические ошибки и оставались верными принципам «областнического мировоззрения, в основе своей глубоко реального и последовательно демократического» (И.А. Якушев, С. 160), – и мечтали «вернуться работать на сибирском направлении, которое <...> выдвинется неумолимым ходом событий» (И.И. Серебренников, – С. 148).

Труд Н.Н. Аблажей, труд сибирского первопроходца, достоин чрезвычайно высокой оценки. Наталия Николаевна заложила крепкий фундамент для дальнейшего анализа непростой истории сибирского областничества в эмиграции. Сохранившие в сердце свою великую родину, сибиряки-эмигранты должны остаться в нашей памяти.

В основном тексте читатель найдет специально составленную хронику культурной жизни сибиряков в Праге, Париже и Нью-Йорке. Кроме постраничного указателя имен, в книге есть указатель биографический – 41 энциклопедическая справка о выдающихся деятелях политической борьбы в Сибири и в эмиграции. Указатель географических названий стран – к нему весьма были бы желательны постраничные отсылки, иначе ценность его сводится на нет: вряд ли стоило отмечать, что на свете существуют Америка, Украина и Тихий океан, а Петроград – это «г.» К книге приложены фотографии, публикуемые впервые.

*Кандидат филологических наук,
доцент кафедры общего литературоведения
Томского государственного университета
Н.В. Серебренников*